

М. А. Фельдман

ФОРМИРОВАНИЕ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА УРАЛМАШЗАВОДА В 30-е гг. XX в.

Перечитывая заново книги, созданные к юбилейным датам Уралмаша, обращаешь внимание на то, чего ранее не замечал. Где-то подводило внимание, чаще — останавливал внутренний цензор. Выбор конкретной даты начала строительства (15 июля 1928 г.) и его завершения (15 июля 1933 г.) носил политический характер и был связан с днем освобождения Урала от белогвардейских войск в 1919 г. Жизнь оказалась куда сложнее прямолинейного деления на красных и белых. Путь подлинного водораздела в XX в. лежал в иной плоскости: с одной стороны, те, для кого на первом месте стояли интересы России, с другой — все остальные. Не случайно сооружение Уралмаша связано с именами двух человек, стоящих в прошлом по разную сторону баррикад, — большевика, руководителя строительства Александра Петровича Банникова и главного инженера, бывшего управляющего Златоустовским горно-заводским округом до 1917 г. Владимира Федоровича Фидлера. А.П. Банникова и В.П. Фидлера объединили самоотверженная работа и ранняя смерть.

Сложнее оказалась судьба соратников руководителей строительства. Просматривая годовые отчеты Уралмаша за 30-е гг., можно подметить следующую картину: из 9 тыс. рабочих-уралмашевцев, отмечавших в июле 1933 г. пуск завода-гиганта, через 3 года осталось чуть более трети (36%)¹. К ноябрю 1939 г. и от этой трети также осталась одна треть. Из 12 340 рабочих УЗТМ осенью 1939 г. только 1593 человека имели стаж работы на Уралмаше более 6 лет². Собственно, такой костяк и следует отнести к кадровым рабочим. Как представляется, перед нами пример незавершенности формирования рабочего коллектива.

Куда же ушли остальные рабочие? Значительная часть — на другие предприятия, в иные города в поисках лучшей доли. Показатель годовой текучести кадров на предприятии — лучший индикатор социального благополучия или неустойчивости. В 1934 г. из заводского барачного царства ушла половина рабочих УЗТМ. Стало немного лучше с бытом в Свердловске — и показатель текучести снизился в 1936 г. до 24% среднесписочного состава.

Не обошли рабочих-уралмашевцев репрессии 1937 – 1938 гг. В архиве ФСБ хранится дело об аресте 300 тружеников Уралмаша в 1937 г. Но это в основном инженеры и техники, во главе с директором завода³. Какая часть рабочих Уралмаша разделила их судьбу? Ответ на этот вопрос ждет своего исследователя. Очевидно одно: репрессии конца тридцатых вновь подняли планку текучести до 36%⁴. Высокий уровень текучести сохранялся и до начала 40-х гг. Рассмотрим строчки из отчета завода за первые четыре месяца 1940 г.: из числа ушедших с УЗТМ: по собственному желанию уволилось 12,5%; призвано в армию 20,9%; почти половина уволена за нарушения трудовой дисциплины (заметим, нередко связанные с бытовой неустroенностью)⁵.

Немало рабочих Уралмаша было выдвинуто на самые различные руководящие административные должности (например, в мастера). Часть рабочих, закончив учебу, перешла в состав инженерно-технического персонала.

И все-таки самым интересным, видимо, является изучение хранящихся в заводском архиве полутора тысяч анкетных дел тех рабочих, которые прошли вместе с Уралмашем путь от пуска до осени 1939 г. Почему взят такой рубеж — осень 1939 г.? С сентября 1939 г. по закону о всеобщей воинской повинности начался массовый призыв в армию. Масштаб призыва рабочих в Красную армию в сентябре 1939 г. — июне 1941 г. не изучался историками в силу глубокой секретности материалов призывной кампании и недоступности источников. Тем большее значение имеют архивные материалы по Уралмашу: если в 1939 г. с УЗТМ было призвано в Красную армию 499 человек, то в 1940 г. — 1318 уралмашевцев. В том предвоенном 1940 г. на Уралмаше работало 18 200 человек, в том числе 12 800 рабочих⁶. Стало быть, около 10% рабочих завода-гиганта в 1940 г. стали солдатами.

Уделом большинства рабочих оставалась жизнь в бараках или близких к ним сооружениях. К 1939 г. 30% жильцов соцгородка Уралмаша проживало в бараках; 17% в рубленых, а 31,5% — в каркасных домах — по сути, полубараках; таким образом, почти для $\frac{4}{5}$ уралмашевцев благоустройство ограничивалось электрическим освещением. Только 21,5% жителей соцгородка УЗТМ проживало в каменных домах. Средняя норма на человека составляла в бараках 3,7 кв. м.; в остальных домах — 4,7 кв. м⁷. О типичности ситуации в соцгородке Уралмаша для Урала в целом можно судить по тому, что на каменные дома приходилось 23% жилой площади обобщественного фонда городов и рабочих поселков Свердловской и Пермской областей⁸. Основная масса населения проживала в деревянных каркасных или рубленых домах одно- и двухэтажной застройки, т. е. в сооружениях, по степени благоустройства близких к баракам. Жители многочисленных бараков завидовали не только обита-

телям каменных домов, но и тем, кто проживал в своих избах, с огородом и палисадником. Крохотный палисадник — бескрайний и защищенный мир раннего детства.

Те, кто смогли выдержать все трудности первых лет Уралмаша, выковали оружие, с которым Красная армия встретила захватчиков. Еще до войны Уралмаш был подключен к изготовлению артиллерийских систем. Выпуск продукции военного назначения составил 33,5% всей заводской продукции Уралмаша в 1938 г., 55% — в 1940 г., 75% — в первом полугодии 1941 г.⁹ — цифры, наводящие на размышления о степени подготовки СССР к отражению агрессии.

Какая часть первостроителей завода прошла великую войну? Ответа на этот вопрос нет. Если книги о производственном пути Уралмаша выходили к каждому юбилею завода, то исследования о семидесятилетней истории рабочего коллектива отсутствуют. Но они должны быть написаны. Даже самый большой завод без людей — серое безмолвие.

Был ли типичен пример рабочего коллектива УЗТМ для рабочих машиностроения Урала? Обратимся к статистическому анализу состава рабочих другого крупного предприятия отрасли — Челябинского тракторного завода (ЧТЗ). К началу 1938 г. из 15 779 рабочих только 8,8% имели стаж работы свыше 5 лет, от 3 до 5 лет — 23,5%. К 1941 г. среди рабочих ЧТЗ имели стаж работы от 3 лет и выше — 29,9%; (т. е. ниже, чем в 1938 г.) от года до 3 лет — 44,9%; менее года — 31,5%¹⁰. Главной причиной такого явления, судя по годовым отчетам предприятия, являлась высочайшая текучесть: так, при среднегодовой численности рабочих-тракторостроителей 15 374 в 1939 г. 14 131 рабочих пришли на предприятие, а 15 136 ушли с ЧТЗ¹¹. Этим и объясняется в первую очередь высокий процент выпуска бракованной продукции. В 1937 г. на 44,5% тракторов, вышедших из стен ЧТЗ, поступили рекламации. В 1938 г. этот показатель сократился до 32,1%, а в 1939 г. — до 14,5%. Но сокращение не снимало вопроса о низком качестве значительной части уральских тракторов¹².

Вопрос о качестве продукции советских заводов в годы первых пятилеток можно отнести к числу наименее изученных. Историческая наука не располагает ни сводными данными об эволюции показателей качества ни по отдельным отраслям, ни по промышленности в целом. Утверждение западных исследователей о том, что имитирование западных моделей позволило советской промышленности быстро наладить выпуск продукции в гигантских масштабах, но за счет низкого и неконкурентоспособного на мировом рынке качества изделий¹³, насколько мне известно, не опирается на какую-либо статистику.

В 2000 г. в архивных материалах фонда ЦСУ РГАЭ я обнаружил документ, подтверждающий, что государство мирилось с колоссальными

финансовыми потерями из-за текучести кадров. В справке, составленной статистиками в апреле – октябре 1941 г. для высшего руководства СССР о ходе выполнения третьего пятилетнего плана, говорилось о том, что потери от брака за 1938 – 1940 гг. в промышленности составляют 5,9 млрд р., из них 4 млрд р. в машиностроении, включая оборонное производство. Бракованными оказались, например, 10% выплавленного в СССР чугуна и 5% проката¹⁴.

Насколько же пример рабочего коллектива УЗТМ был типичен для рабочих Урала? Ведь приведенные примеры рабочих коллективов УЗТМ и ЧТЗ касались предприятий машиностроения с весьма короткой историей. Однако сохранение высокой текучести рабочих кадров как следствие бытовой неустроенности является постоянной чертой региональной экономики 30-х гг. Деструктивные процессы в этой области усиливали также масштабные мобилизации рабочих на руководящую работу (как правило, низового звена)¹⁵.

Следствием таких процессов стал невысокий удельный вес кадровых рабочих. Так, обследование в 1937 г. 43 тыс. рабочих черной металлургии Урала — базовой отрасли края с более чем двухсотлетней историей — показало: только 13,2% металлургов работали на предприятии более 10 лет; еще 22,8% — от 3 до 10 лет. Даже по терминологии советского периода, установившей нижний рубеж категории кадровых рабочих в три года, только 36% рабочих-металлургов (с известной долей допущения) можно было отнести к кадровым рабочим; 30,2% рабочих трудились на предприятиях от 1 до 3 лет; 33,8% — менее 1 года. В ноябре 1940 г. при обследовании девяти крупных и средних металлургических заводов Свердловской и Челябинской областей удельный вес группы рабочих со стажем более 3 лет равнялся 38,5%¹⁶. Как видно, невысокий удельный вес кадровых рабочих в отрасли представлял собой постоянную величину на протяжении 30-х гг. XX в.

Конечно, было бы неверно не замечать позитивные перемены в рабочей среде. Следует, во-первых, обратить внимание на наличие в указанном отраслевом отряде рабочих Урала почти 15 тысяч металлургов (или $\frac{1}{5}$ всех рабочих), связанных с передовым производством — выплавкой спецсталей и ферросплавов. Близкий к этому числу слой рабочих был занят на крупнейшем в СССР современном комбинате — ММК. Все это создавало предпосылки для роста культурно-технического уровня рабочих. Во-вторых, в 1940 г. примерно 80 тыс. рабочих-металлургов Урала выплавляли в 3 раза больше чугуна, в 4,5 раза больше стали, чем аналогичное число металлургов края в 1913 г. Удельный вес металлургов Урала в общесоюзном отраслевом отряде рабочих был близок к удельному весу Урала в производстве черных металлов в СССР. Таким образом, за годы первых пятилеток производительность труда металлургов Урала

вышла на уровень общесоюзного отраслевого показателя, если не считать рабочих вспомогательных подотраслей. Для обслуживания отрасли, как и до 1917 г., использовалась огромная армия вспомогательных рабочих. Труд 100 тысяч крестьян-сезонников на лесоразработках в дореволюционный период к 1941 г. заменил еще больший (141 тысяча человек) отряд заключенных и спецпереселенцев в лесной промышленности и на рудниках¹⁷.

Результаты масштабного обследования рабочих-сдельщиков Главуралмета (декабрь 1939) показали: 22% общего числа не выполняли норм выработки; 61,7% выполняли норму, а 16,3% выполняли более чем на 200%¹⁸. С известной долей допущения и учитывая заниженность самих норм, эту градацию можно принять за соотношение высококвалифицированных, среднеквалифицированных и неквалифицированных рабочих-металлургов. Таким образом, к 1941 г. в черной металлургии Урала существовал массив кадровых квалифицированных рабочих, готовых к выполнению сложных заданий и способных к передаче своего мастерства. Но такой массив составлял заведомое меньшинство рабочих отрасли.

Но, может быть, Уральский регион был исключением из правил? Важное значение для понимания социального облика советского рабочего класса имеет распределение рабочих по стажу работы. По мнению А.И. Вдовина и В.З. Дробижева, улучшение качественного состава рабочего класса с 1931 г. продолжалось вплоть до начала Великой Отечественной войны¹⁹. По данным третьего тома «Истории советского рабочего класса» в конце 1939 г. в крупной промышленности СССР рабочие по стажу непрерывной работы распределялись следующим образом: до десяти лет — 5,6%; от пяти до десяти лет — 15,3%. Стаж 54,3% рабочих не превышал двух лет; 66,2% — трех лет²⁰. Таким образом, только 20,9% рабочих крупной промышленности к 1940 г. обладали стажем непрерывной работы в пять и более лет. Выделение такой категории обусловлено тем, что в литературе, посвященной рабочей истории, утвердилось положение о том, что производственная школа продолжительностью до пяти лет является вполне достаточной для воспитания качеств кадрового рабочего²¹.

Сопоставление приведенных данных третьего тома «Истории советского рабочего класса» с архивными материалами приводит к выводу об использовании авторами статистики, извлеченной из Докладной записки Госплана «Обследование труда и заработной платы рабочих крупной промышленности СССР»²². Как следует из указанного документа, с 1 ноября 1936 по 1 ноября 1939 г. удельный вес рабочих крупной промышленности со стажем непрерывной работы до трех лет изменился незначительно: с 67,7 до 66,2%. Удельный вес рабочих крупной промышленности со стажем непрерывной работы более пяти лет вырос за указан-

ный период с 17 до 20,9%. Обратим внимание на невысокий показатель категории рабочих со стажем непрерывной работы десять и более лет: 5,6% — в крупной промышленности СССР; 4,5% — в машиностроении и металлообработке, 8,8% — в черной металлургии. Более высоким был уровень кадровых рабочих (со стажем непрерывной работы десять и более лет) в слабо механизированной легкой промышленности (от 10 до 13%), в том числе в хлопчатобумажной (16,9%)²³. Заметим, что и во всем народном хозяйстве рабочие на 1 марта 1940 г. со стажем непрерывной работы более 5 лет составляли не более 23,3%, а десяти лет — 6,6%²⁴.

Для закрепления рабочих кадров на производстве главный акцент был сделан на репрессивных мерах. Постановление правительства «О введении трудовых книжек» (1938)²⁵ ставило социальное обеспечение в зависимость от непрерывного стажа работы на одном предприятии. Осенью 1938 г. («по просьбе рабочих Уралмаша») было принято еще одно постановление об увольнении за прогул²⁶. Однако это только подхлестнуло процессы текучести в 1939 г. Так, если в 1938 г. с предприятий Главуралмета уволилось 85,8% рабочих из числа годового среднесписочного состава, то в 1939 г. — 123,2%²⁷. Меньшая по размерам текучесть имела место на оборонных предприятиях, но и здесь она достигала половины списочного состава рабочих²⁸. О подлинном отношении власти к кадровым рабочим свидетельствует уникальный документ: приказ наркома оборонной промышленности М. Кагановича от 5 июня 1938 г.: «намеченная чистка заводов потребует увольнения 10 260 человек, преимущественно квалифицированных рабочих»²⁹. Своеобразным итогом «рабочей политики» ВКП(б) стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., предусматривавший тюремное наказание за двадцатиминутное опоздание на работу. К началу войны по этому Указу — самому антирабочему закону в истории СССР — было осуждено 1 264 тыс. человек, однако показатели текучести рабочих оставались высокими³⁰. «Прикрепление рабочих к заводам» способствовало уменьшению масштабов текучести и обновлению трудовых коллективов в последние предвоенные месяцы, но не могло решить проблемы бытовой неустроенности и низкого уровня механизации.

Как представляется, и степень механизации производственных процессов в советской промышленности к 1941 г., и масштаб изменений в самом рабочем классе СССР существенно завышены в исторической литературе. К 1941 г. средний разряд рабочих машиностроения СССР составлял 4,1 – 4,3, т. е. ниже верхней границы сложности работ. С наиболее сложными заданиями могли справляться только рабочие 6–8 разрядов, удельный вес которых в машиностроении СССР не превышал 22,5%³¹. На предприятиях-гигантах Урала этот показатель колебался от 10% на ЧТЗ до 23% на Пермском (Мотовилихинском) оружейном заводе³².

Как уже отмечалось выше, удельный вес рабочих крупной промышленности со стажем непрерывной работы более пяти лет в 1936 – 1939 гг. изменился незначительно. Это позволяет утверждать о сохранении основных пропорций между квалифицированными, малоквалифицированными, неквалифицированными рабочими к 1941 г.³³ Обратим внимание на близость показателей категорий рабочих промышленности СССР со стажем непрерывной работы более пяти лет (20,9%) и квалифицированных рабочих 6 – 8 разряда (22,5%)³⁴. Доля малоквалифицированных и неквалифицированных рабочих в мае 1941 г. составляла до 60% в тяжелой промышленности³⁵ и была близка к величине удельного веса рабочих со стажем непрерывной работы до трех лет — 66,2%.

Показатели стажа непрерывной работы, квалификации советских рабочих к 1941 г. создают представление о незавершенности процессов формирования рабочего класса индустриального общества. В принципе, это соответствует как незавершенному характеру индустриализации, так и «штурмовому методу» ее реализации. Вместе с тем названные критерии позволяют только в общих чертах судить о характере происходящих перемен. Так, в США в 1940 г. из числа всех рабочих только 31,3% относились к категории квалифицированных³⁶. Следовательно, необходимо дополнительное исследование: что в конкретной стране и в конкретное время включало в себя понятие *качества труда* и вытекающие из названного понятия дефиниции квалификации рабочих.

Очевидно, истина достаточно далека как от утверждений об отсутствии в СССР к июню 1941 г. настоящего рабочего класса индустриального общества, так и от заявлений о завершении формирования такого класса, тем более обладающего абсолютно новыми, рожденными в советском обществе признаками.

¹ Подсч. по: ГАСО. Ф. 262. Оп. 2. Д. 630. Л. 1.

² Подсч. по: Там же. Д. 734. Л. 1.

³ Архив ФСБ Свердловской обл. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. Л. 13.

⁴ Подсч. по: ГАСО. Ф. 262. Оп. 2. Д. 557. Л. 1; Д. 630. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 767-б. Л. 143.

⁶ Там же. Оп. 3. Д. 140. Л. 18–18 об.

⁷ Подсч. по: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 44. Л. 168.

⁸ ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. 381. Л. 49, 55.

⁹ Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 50; ГАСО. Ф. 262. Оп. 1. Д. 20. Л. 40.

-
- ¹⁰ РГАЭ. Ф. 7963. Оп. 2. Д. 149. Л. 43; Ф. 8115. Оп. 2. Д. 12. Л. 57.
- ¹¹ Там же. Д. 149. Л. 83.
- ¹² Там же. Ф. 4372. Оп. 38. Д. 348. Л. 8.
- ¹³ См. например: *Малия М.* Советская трагедия: история социализма в России, 1917–1991. М., 2002. С. 228.
- ¹⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 293. Л. 35.
- ¹⁵ См.: *Фельдман М.А.* Советское решение рабочего вопроса на Урале (1929–1941) // Вопросы истории. 2002. № 12.
- ¹⁶ *Панфилов С.П.* Изменение численности и состава рабочих черной металлургии Урала (1941–1945) // Социалистическое строительство на Урале. Свердловск, 1978. С. 55.
- ¹⁷ Подсч. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1069. Л. 17–20, 22.
- ¹⁸ Подсч. по: ГАСО. Ф. 1814. Оп. 1. Д. 450. Л. 69.
- ¹⁹ *Вдовин А.И., Дробижев В.З.* Рост рабочего класса СССР, 1917–1940 гг. М., 1977. С. 112–113.
- ²⁰ Подсч. по: История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 3. М., 1984. С. 114.
- ²¹ *Вдовин А.И., Дробижев В.З.* Указ. соч. С. 192.
- ²² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 37. Д. 1031. Л. 26.
- ²³ Там же. С. 27.
- ²⁴ *Сенявский С.Л., Тельпуховский В.Б.* Рост рабочего класса СССР, 1938–1965 гг. М., 1971. С. 350.
- ²⁵ СУ СССР. 1938. № 58. С. 330.
- ²⁶ Там же. 1939. № 1. С. 1.
- ²⁷ ГАСО. Ф. 1814. Оп. 1. Д. 450. Л. 73–74.
- ²⁸ ГАПО. Ф. 33. Оп. 5. Д. 222. Л. 34–35; Ф. 42. Оп. 5. Д. 32. Л. 5.
- ²⁹ РГАЭ. Ф. 75 15. Оп. 1. Д. 352. Л. 121.
- ³⁰ См.: Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 142; ГАСО. Ф. 262, Оп. 3. Д. 140. Л. 18–23; Ф. 122. Оп. 2. Д. 455. Л. 1.; РГАЭ, Ф. 8115. Оп. 2. Д. 68. Л. 30.
- ³¹ *Вдовин А.И., Дробижев В.З.* Указ. соч. С. 209.
- ³² См.: *Фельдман М.А.* Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001. С. 257–258.
- ³³ См.: *Сенявский С.Л., Тельпуховский В.Б.* Указ. соч. С. 353.
- ³⁴ *Вдовин А.И., Дробижев В.З.* Указ. соч. С. 209. Данные по квалификации приведены по рабочим машиностроения СССР.
- ³⁵ *Сенявский С.Л., Тельпуховский В.Б.* Указ. соч. С. 352–353.
- ³⁶ См.: *Смирнов Е.Л.* Подготовка квалифицированных кадров // Труд и зарплата в СССР. М., 1968. С. 124.